

В. А. Сологуб

**Воспоминания графа В. А.
Сологуба**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В. А. Сологуб**
Воспоминания графа В. А. Сологуба / В. А. Сологуб – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 72 с.

ISBN 978-5-518-07564-1

Воспоминания графа В. А. Сологуба. Гоголь, Пушкин и Лермонтов. Новые
сведения о предсмертном поединке Пушкина.

ISBN 978-5-518-07564-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ обществѣ, удостоившемъ меня своимъ выборомъ, я рѣшился, на правахъ новопришельца и, такъ сказать, иммигранта, рассказать, по старческому обычаю, кое что изъ моихъ воспоминаній, конечно не съ тѣмъ, чтобъ докучать собранію самохвальствомъ, а потому что съ моими прошедшимъ связаны нѣкоторыя мало извѣстныя подробности о личностяхъ, драгоценныхъ всѣмъ ревнителямъ нашего отечественнаго слова. Собраніе извинить меня благосклонно, если, говоря о нихъ, я по неволѣ буду принужденъ въ теченіи слѣдующаго разсказа, упоминать и о себѣ.

Въ моей жизни три дома играли важную роль. Домъ Олениныхъ, домъ Карамзиныхъ, домъ гр. Віельгорскихъ. Въ первомъ я началъ уважать искусство, во второмъ началъ его любить, въ третьемъ началъ его понимать. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню себя въ домѣ Олениныхъ, съ которыми мы считались въ родствѣ. Родствомъ, даже отдаленнымъ,

въ старипу дорожили. Оленинъ былъ отрогимъ классикомъ и добродушнымъ меценатомъ; у него я игралъ съ *Крылочкой*, какъ пазывался въ домѣ И. А. Крыловъ; у него я глядѣлъ съ нѣкоторымъ страхомъ на величаваго, одноокаго Гибдича; у него я въ первый разъ видѣлъ Пушкина, влюбленнаго въ дочь Оленина, и написавшаго для нея, какъ извѣстно, нѣсколько стихотвореній. Мнѣ очень памятно, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на современныхъ извѣстныхъ писателей и какъ умиленно взиралъ я на бархатные сапоги старичка Нелединскаго-Мелецкаго. Только здѣсь недавно узналъ я, что эти сапоги были ничто иное, какъ хитрость. У Нелединскаго подагры никогда не бывало, по онъ себѣ ее придумалъ, чтобъ не надѣвать при дворѣ длинныхъ чулковъ. Нелединскій былъ чрезвычайно любезенъ и остроуменъ, и онъ-то однажды на вопросъ, умна ли такая дама, отвѣчалъ серьезно: „не знаю, я говорилъ съ ней только по-французски“. Живо пом-

ню я тоже Гривобѣдова я помню, какъ изумлялся, когда онъ садился за фортепьяно, что такой человѣкъ могъ еще быть музыкантомъ. Изъ этой первой эпохи моего дѣтскаго литературнаго любительства я вынесъ оставшееся мнѣ на всю жизнь чувство уваженія къ чужимъ заслугамъ, къ авторитетамъ и къ классикамъ. За тѣмъ наступила болѣе сознательная пора юности: 15-ти лѣтъ я былъ студентомъ Дерптскаго университета и, подъ влияніемъ студентскихъ пѣсень и бойкаго Языковскаго стиха, началъ кое что писать, сперва весьма неудачно, потомъ немного получше. Въ Дерптѣ я былъ принятъ, какъ родной, въ семействѣ Карамзиныхъ. Знакомство съ Карамзинными было вторымъ періодомъ моей душевной жизни, и снова, но уже отчетливо, съ понятіемъ о словесности я слылъ всѣ лучшія свои побужденія и наклонности. Карамзинскій кругъ былъ всегда пріютомъ Русской умственной дѣятельности, и въ то же время храмомъ самого

сердечнаго радушія. Гостей тутъ собственно не бывало; тутъ собирались только друзья, родные по сердцу, образующіе одну семью, надъ которой шарила всегда присущая, обожаемая тѣнь Русскаго исторіографа. И въ Дерптѣ и потомъ въ Петербургѣ я былъ у Карамзиныхъ каждый день. У нихъ, въ теченіи 20 лѣтъ, я сближался поочередно съ другими душевными родственниками Карамзинскаго дома, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, Тургеневыми, Баратынскимъ, Лермонтовымъ и многими другими. У нихъ сблизился я и съ покойнымъ моимъ тестемъ гр. Мих. Юр. Віельгорскимъ, принявшимъ меня въ свой домъ. Гр. Віельгорскій прошелъ незамѣченный въ Русской жизни; даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и несмотря на то или можетъ быть именно потому былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, тео-

логъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикурецъ, царедворецъ, савонникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья, онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума. У него, въ кругу представителей всѣхъ знаній, я понялъ, что словесность не есть попытка на авось, а тоже искусство или правильнѣе только часть одного общаго, единичнаго, въ своихъ частяхъ тождественнаго искусства, налагающаго одни и тѣ же законы на всѣ свои отрасли. Тогда я началъ искать эти законы въ чужихъ твореніяхъ, и не нашелъ ихъ въ своихъ. Тогда я отказался отъ званія писателя, и принялъ заблаговременно званіе любителя, въ томъ убѣжденіи, что и любить хорошее дѣло, что и любить не всякому дано.

Изложивъ передъ собраніемъ мою литературную исповѣдь и послѣдныя права на дипломъ, коимъ нынѣ удостоенъ, я

позволю себѣ рассказать теперь про мои отношенія къ лицамъ, о которыхъ много было уже сказано и никогда не устаются говорить. Смѣю надѣяться, что собраніе не утомится моимъ рассказомъ.

Въ 1831 году лѣтомъ я пріѣхалъ на ваканціи изъ Дерпта въ Павловскъ. Въ Павловскѣ жила моя бабушка, и съ нею вмѣстѣ покойная тетка моя Александра Ивановна Васильчикова, женщина высокой добродѣтели, постоянно тогда озабоченная воспитаніемъ своихъ дѣтей (*). Одинъ изъ сыновей ея, нынѣ умершій, къ сожалѣнію родился съ поврежденнымъ при рожденіи черепомъ, такъ что умственныя его способности остались навсегда въ туманѣ. Всѣ средства истощались, чтобъ помочь горю, все было напрасно. Тетка придумала наконецъ нанять учителя, который бы могъ развивать, хотя нѣсколько, мутную понятливость бѣд-

(*) См. наше неврологическое извѣстіе объ А. И. Васильчиковой, въ Московск. Вѣдомостяхъ 1855 г., осенніе мѣсяцы. II. Б.

наго страдальца, показывая ему картинки и бесѣдуя съ нимъ цѣлый день. Такой учитель былъ найденъ, и когда я пріѣхалъ въ Павловскъ, тетка моя просила меня познакомиться съ нимъ, и обласкать его, такъ какъ, по словамъ ея, онъ тоже былъ охотникомъ до Русской словесности и, какъ ей сказывали, даже что-то пописывалъ. Какъ теперь помню это знакомство. Мы вошли въ дѣтскую, гдѣ у письменнаго стола сидѣлъ наставникъ съ ученикомъ, и указывалъ ему на изображенія разныхъ животныхъ, подражая при томъ ихъ блеянію, мычанію, хрюканію, и т. д. „Вотъ это, душенька, баранъ, понимаешь ли? баранъ, — бе, бе... Вотъ это корова, знаешь, корова, му, му“. При этомъ учитель съ какимъ то особымъ оригинальнымъ наслажденіемъ упражнялся въ звукоподражаніяхъ. Признаюсь, мнѣ грустно было глядѣть на подобную сцену, на такую жалкую долю человека, принужденнаго, изъ за куска хлѣба, согласиться на подобное занятіе. Я поспѣ-

шилъ выйти изъ комнаты, едва разслыхавъ слова тетки, представлявшей мнѣ учителя и назвавшей мнѣ его по имени: *Николай Васильевичъ Гоголь*.

У покойницы моей бабушки, какъ у всѣхъ тогдашнихъ старушекъ, жили постоянно бѣдныя дворянки, компаніонки, приживалки. Имъ то по вечерамъ читалъ Гоголь свои первыя произведенія. Вскорѣ послѣ страннаго знакомства я шелъ однажды по коридору и услышалъ, что кто то читаетъ въ ближней комнатѣ. Я вошелъ изъ любопытства, и нашелъ Гоголя посреди дамскаго, домашняго ареопага. Александра Николаевна вязала чулокъ, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна по обыкновенію оправаляла напомаженные виски. Ихъ было еще двѣ или три, если не ошибаюсь. Передъ ними сидѣлъ Гоголь и читалъ про украинскую ночь. „Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!“ Кто не слыхалъ читавшаго Гоголя, тотъ не знаетъ вполнѣ его произведеній. Онъ

придавалъ имъ особый колоритъ, своимъ спокойствіемъ, своимъ произношеніемъ, неувловимыми отгѣвками насмѣшливости и комизма, дрожавшими въ его голосъ и быстро пробѣгавшими по его оригинальному остроносому лицу, въ то время какъ сѣрые маленькіе его глаза добродушно улыбались, и онъ встряхивалъ всегда падавшими ему на лобъ волосами. Описывая украинскую ночь, онъ какъ будто переливалъ въ душу впечатлѣнія лѣтней свѣжести, синей, усѣянной звѣздами, выси, благоуханія, душевнаго простора. Вдругъ онъ остановился. „Да гопакъ не такъ танцуется!“ Приживалки вскрикнули: „Отъ чего не такъ?“ Онъ подумали, что Гоголь обращался къ нимъ. Гоголь улыбнулся и продолжалъ монологъ пьянаго мужика. Признаюсь откровенно, я былъ пораженъ, уничтоженъ; мнѣ хотѣлось взять его на руки, вынести его на свѣжій воздухъ, на настоящее его мѣсто. *Майская ночь* осталась для меня любимымъ Гоголевскимъ твореніемъ, быть мо-

жетъ, отъ того, что я ей обязанъ тѣмъ, что изъ первыхъ въ Россіи могъ узнать и оцѣнить этого гениальнаго человека. Карамзины жили тогда въ Царскомъ Селѣ, у нихъ я часто видалъ Жуковского, который сказалъ мнѣ, что уже познакомился съ Гоголемъ и думаетъ, какъ бы освободить его отъ настоящаго мѣста. Пушкина я встрѣтилъ въ Царскосельскомъ паркѣ. Онъ только что женился и гулялъ подъ ручку съ женой, первой Европейской красавицей, какъ говорилъ онъ мнѣ послѣ. Онъ представилъ меня тутъ женѣ и на вопросъ мой, знаетъ ли онъ Гоголя, отвѣчалъ, что еще не знаетъ, но слышалъ о немъ и желаетъ съ нимъ познакомиться.

Послѣ незабвеннаго для меня чтенія, я, разумѣется, сблизился съ Гоголемъ и находился съ того времени постоянно съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, но никогда не припоминалъ онъ о нашемъ первомъ знакомствѣ: видно было, что, не смотря на всю его душев-